

История и общественные идеалы

А.Д. МАЙДАНСКИЙ

Крот истории роет не только медленно, но и на редкость криво. То и дело нисходя от конкретного к абстрактному. Что с полуслепого взять. Временами кажется, вот он, прямой туннель к свету, но всякий раз впереди тупик. Как раз в такое время несбывшейся мечты довелось жить и мыслить Э.В. Ильенкову, и он потратил немало сил, чтобы разглядеть логику в толще исторических дел и событий.

Весной 1965 г. он получил от университета Нотр Дам приглашение на симпозиум “Маркс и западный мир”. Руководство Института философии поначалу дало согласие, и Ильенков с энтузиазмом принялся за работу. Но ознакомившись с рукописью, философские власти предпочли оставить автора дома – под предлогом его “госпитализации”. Правда, урезанный текст был все же выслан и вышел в свет на английском языке¹.

Тема симпозиума в глазах философа предстает как модус проблемы идеального: противостояние двух идеалов – общественной и частной собственности на условия человеческого бытия. Ильенков, разумеется, отстаивал превосходство коммунистического идеала. При этом высказав мысль, которая, вероятно, и стоила ему поездки в Америку: учрежденную в результате пролетарской революции форму собственности Ильенков посчитал лишь формально-юридическим отрицанием частной собственности. То было, писал он, чисто формальное превращение богатства, находящегося в собственности частных лиц, в “общественную собственность”².

Этот и несколько следующих пассажей, в которых Ильенков поясняет свою мысль, не имели шансов пройти цензуру и были вычеркнуты из текста доклада. Счастье, что дело обошлось фиктивной “госпитализацией”.

Коль скоро собственность советского государства является “общественной” не более чем формально, в чисто юридическом отношении, то, стало быть, реально, в экономической практике социалистическая форма собственности по-прежнему остается частной! А главного собственника – государство – Ильенков определил как “безличный организм, противостоящий каждому из составляющих его индивидов”³. Государство, в лице курировавших философское сообщество чиновников, вряд ли могло приветствовать подобные суждения в свой адрес...

Капитализм и социализм суть два разных модуса бытия частной собственности и две разновидности “отчуждения” человека от человека. Ильенков ожесточенно спорил с “че-

¹ *Ilyenkov E.V. From the Marxist-Leninist Point of View // Marx and the Western World* (ed. by Nicholas Lobkowitz). Notre Dame – London, 1967, P. 391–407.

² См.: *Ильенков Э.В. Маркс и западный мир // Вопросы философии*. 1988. № 10. С. 105.

³ Там же. С. 106.

© Майданский А.Д., 2010 г.

рещур оптимистичными писателями”, полагавшими, что отчуждение прекратилось вместе с ликвидацией класса буржуазии. Пока существуют частная собственность, рынок и государство, сохраняется и отчуждение.

Отчуждение – это власть продуктов и средств человеческой деятельности над человеческой личностью. Первопричиной отчуждения является разделение труда. Многократно увеличивая производительную силу труда, оно создает необходимость в особых институтах-посредниках, которые связали бы обособленных работников в единое целое. К этим посредникам и переходит управление процессами человеческого общения. Государство регламентирует взаимные права и обязанности людей, те превращаются в его “граждан”. Ну а “невидимой руке” рынка человек передает право взвешивать стоимость продуктов своего труда.

“Вместо того чтобы сам человек был посредником для человека, наличие этого *чуждого посредника* приводит к тому, что человек рассматривает свою собственную волю, свою деятельность, свое отношение к другим – как силу, независимую от него и от них. Таким образом его рабство достигает апогея. Так как этот *посредник* есть *действительная власть* над тем, с чем он меня опосредствует...”⁴.

Чем глубже дробится и расслаивается внутри себя человеческая деятельность, тем большую власть над индивидами получают такие “суррогаты коллективности”, как государство и рынок. В наши дни господство их над человеческой личностью стало уже почти тотальным.

Коммунизм для Маркса есть процесс “обратного присвоения, отвоевания” человеком своей предметной сущности (собственности), противостоящей ему в форме капитала, – не столько вожделенное “царство свободы”, где каждому по потребностям, сколько *сам процесс* превращения частной собственности в личную собственность *каждого индивида*⁵. Миссией коммунистического движения является формирование “богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своем производстве и в своем потреблении”⁶, или, проще говоря, гармоничной личности: умной, доброй, здоровой, трудолюбивой и с тонким чувством прекрасного.

Разделение труда, напротив, превращает людей в ходячие абстракты, у которых одна единственная человеческая способность развита за счет всех остальных. Как повернуть этот процесс истощения человеческой личности вспять? Маркс, как известно, видел одно радикальное средство – мировую революцию с последующей диктатурой пролетариата, которая очистит общественные отношения от “посредников” – денег, государства, церкви, – заменив их самоуправлением трудящихся.

По своему обыкновению крот истории пренебрег инструкцией отца “научного коммунизма”. Все без исключения пролетарские революции привели к колоссальной гипертрофии государства, а значит, разделение труда только усугубилось. В устах Ильенкова слова о “тенденции к отмиранию” государства звучат скорее уже как издевка, нежели благое пожелание.

Неудачи коммунистического движения Ильенков объяснял тем обстоятельством, что замысел Маркса пришлось осуществлять “на периферии западного мира, то есть в странах, наименее подготовленных к этому и в отношении материально-технического, и культурного развития, [что] наложило известный колорит на процесс *практической реализации идей* научного коммунизма. И те *отрицательные явления...* вытекали не из идей коммунизма. Как раз наоборот, они были следствиями *косного сопротивления* того материала, в преобразовании которого эти идеи пришлось реализовывать”⁷.

Здравствуй, Гегель... Идея ищет “практической реализации” в человеческой истории, преодолевая “косное сопротивление” социальной материи. Увы, материи удалось отгес-

⁴ Маркс К. Заметки по поводу книги Джемса Милля // Вопросы философии. 1966. № 2. С. 115. Эту рукопись Маркса перевели Э.В. Ильенков, А.П. Огурцов и Л.Н. Пажитнов.

⁵ См.: Маркс и западный мир. С. 109.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 281.

⁷ Маркс и западный мир. С. 101. Курсив мой. – А.М.

нить прекрасный идеал на периферию западного мира, в хляби гражданских войн, массового террора, ГУЛАГов и тому подобных “отрицательных явлений”. Но и стоя по колено в крови, идея мирового коммунизма продолжает вести сражение с “принципом частной собственности”.

К материалистическому пониманию истории данный сюжет не имеет ни малейшего касательства. Трудно поверить, что такой человек, как Ильенков, мог принять эту расхожую идеологию за чистую монету истины. Впрочем, в другой своей работе он пояснял, что “в виде идей всегда выражают себя реальные потребности, созревшие внутри социального организма”⁸.

Совсем другое дело. В экономической истории действуют не идеи, а *потребности* – прежде всего материальные нужды, реализуемые людьми в процессе труда. Эти самые потребности людей и воспринимаются учеными-идеалистами и диктаторами пролетариата как “косное сопротивление материала”, мешающее им “практически реализовать” свои революционные теории.

Первым делом следует понять, какая именно потребность выразила себя в акте “формально-юридического упразднения” частной собственности. Маркс пришел к выводу, что это – *абстрактная физиологическая потребность*. Частная собственность осуществляет “искусственное упрощение” человеческих потребностей, сводя их к удовлетворению простейших физических нужд. “Правда, еда, питье, половой акт и т.д. тоже суть подлинно человеческие функции. Но в абстракции, отрывающей их от круга прочей человеческой деятельности и превращающей их в последние и единственные конечные цели, они носят животный характер”⁹.

Абстрактная потребность вынуждает пролетария обменивать свою рабочую силу на средства существования, значит, она и является подлинным субъектом его жизнедеятельности. Коль скоро капиталист – это персонификация вещных условий труда, то пролетарий есть, в той же самой мере, персонифицированная абстрактная потребность, ее экономическое “для себя бытие”.

Пролетарская революция питается той же энергией абстрактной потребности. В развитом буржуазном обществе эта потребность находит возможность удовлетворить себя экономически, посредством обмена рабочей силы на предметы потребления. Не находя удовлетворения в экономике – как это бывает в отсталых странах и в периоды войн, – абстрактная потребность “сублимирует” избыток энергии в революционно-политической активности масс. Тот факт, что пролетарские революции, вопреки пророчеству Маркса, увенчались успехом лишь на “периферии западного мира”, абсолютно закономерен. Голод и разруха – оптимальный “материал” для всевозможных революций и диктатур.

Диктатура пролетариата есть не что иное, как *диктатура абстрактной потребности*, подавляющей либо подчиняющей своим примитивным целям все “сущностные силы” человеческой личности. В случае успеха революции эта потребность делается всеобщей мерой отношений общения и кроит их на свой прагматический лад, по мерке “тощей” индивидуальности пролетария. Накопленное в форме частной собственности общественное богатство почти мгновенно истощается.

Пролетарская революция не только не создала условий для “общечеловеческой эмансипации”, а, напротив, поглотила немалые возможности для (пусть и одностороннего) развития человеческой личности, созданные буржуазным обществом. Устраняя формальное неравенство собственников друг другу, революция создает *видимость* обратного присвоения человеком общественного богатства. Однако ей не по силам создать ни *способность* воспользоваться этим богатством по-человечески – “распредметить” таящиеся в нем деятельные способности, – ни человеческую *потребность* в нем.

Упования Маркса на теоретические достоинства своего учения, на то, что коллективный разум рабочей партии сможет управлять вырвавшейся на волю абстрактной потреб-

⁸ Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М., 1991. С. 200.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 42. С. 91.

ностью, есть чистой воды идеализм. По сравнению с грубо-материальной энергетикой абстрактной потребности “энергия” мысли, воли, идей – *вообще ничто*.

Самое прямое и полное свое выражение эта потребность обретает в идеях “грубого, уравнилельного коммунизма”. Марксов критический очерк коммунистических утопий предугадал – в отдельных моментах с поразительной точностью – характер общественно-го строя, рожденного революцией. Его суть Ильенков выразил диалектически отточенной формулой:

“Рождаясь из движения частной собственности в качестве прямой ее антитезы, этот стихийный, массовый коммунизм и не может быть ничем иным, как той же самой частной собственностью, только с обратным знаком, со знаком отрицания. Он просто доводит до конца, до последовательного выражения, все имманентные тенденции развития частной собственности”¹⁰.

В этих строках – диагноз “реальному социализму”. *Имманентная* форма развития частной собственности не могла остаться чистой идеей, ей предстояло, так или иначе, обрести историческую реальность.

Частная собственность порождает уравнилельный коммунизм как форму деятельности, только по видимости ей враждебную. По сути же эта деятельность создает *всеобщую частную собственность*. Собственность государства – “общинный капитал”, на языке Маркса, – есть нечто чужое всем, противостоящее не тому или иному общественному классу, а каждому индивиду.

Коммунизм – отныне уже не только теоретически, в качестве идеального “увеличивающего зеркала”, как полагал Ильенков, а на деле, практически, – является “обобщением и завершением” отношения частной собственности. “Обе стороны взаимодействия подняты на ступень *представляемой* всеобщности: *труд* – как предназначение каждого, а *капитал* – как признанная всеобщность и сила всего общества”¹¹.

Внешнее экономическое различие (форма классового неравенства) людей снимается, однако противоречие труда и собственности не исчезло, напротив, оба его момента получили форму абстрактной всеобщности: “рабочий” и “собственник предметных условий труда” суть теперь определения каждого индивида. Тождество труда и собственности оказывается мнимым, декларативным. Отчуждение не устраняется, а лишь изменяет свою форму, целиком смещаясь внутрь отдельной личности. Это предельная, законченная форма отчуждения человеческого бытия: человек как работник противостоит *самому себе* как собственнику и не умеет себя “присвоить”.

Так как пролетарий не в состоянии распорядиться общественным богатством и регулировать свои общественные отношения, эти функции целиком и полностью переходят к органам государства. В обществе победившего пролетариата государство опосредствует буквально все отношения человека к человеку¹², а его номинальный глава, словно оживший Метафизик из книжки Кампанеллы, обретает почти безграничную власть.

Не сдерживаемая больше извне – капиталом, – абстрактная потребность поглощает все, что возможно, создавая хронический дефицит предметов потребления. По мере интеллектуализации общественного производства, развития “высоких технологий” труда, истощается и класс пролетариев, эта живая субстанция абстрактной потребности. Вследствие чего данная форма собственности деградирует либо, в лучшем для себя случае, конвергирует с формальной “антитезой” – капитализмом.

Ахиллесовой пятой классического марксизма стало положение об “отмирании” государства. Почему это должно случиться? Ни Маркс, ни Ильенков не смогли указать ни единой реальной причины, кроме диктатуры, т.е. политической воли класса-гегемона. *Воля* как субъект исторического процесса? Здравствуй, Шопенгауэр... Разделение труда усили-

¹⁰ Ильенков Э.В. Философия и культура. С. 161.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 115.

¹² Как это прежде делал другой безличный посредник – деньги. В обоих случаях совершается один и тот же диалектический сдвиг: посредник деятельности неминуемо превращается в ее конечную цель. – “Этот *посредник* становится *действительным богом*. Его культ становится самоцелью” (там же. С. 18).

ем воли не снимешь. Оно прекратится не раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых оно дает достаточно простора, и не раньше, чем разделенный труд создаст *материальные* условия для всестороннего развития индивида. Таковы два момента “естественноисторического процесса”, по Марксу.

Относительно первого момента ясно, что к настоящему времени исчерпан далеко не весь потенциал роста экономики “разделенного труда”. Не так давно она сделалась глобальной: одни страны поставляют преимущественно сырье, другие – рабочую силу, третьи – высокие и низкие технологии плюс финансы. В экономически однобокие “абстракты” превращаются уже не индивиды, не классы людей и даже не государства – целые регионы мира.

Со вторым моментом ясности меньше. Какие конкретно материальные условия требуются для формирования гармоничной личности? На какой экономической почве такая личность произрастет “естественноисторически”? Ильенков этот вопрос игнорировал. Увлеченный педагогическими технологиями воспитания личностей-универсалов, он ни слова не написал о том, как таким личностям выжить в *наличном* обществе разделенного труда. Призывал “учиться мыслить”¹³ всех поголовно, в то время как экономика страны задыхалась от нехватки самой неквалифицированной рабочей силы. “Мыслителей” отправляли собирать лук и картошку не ради универсальности, конечно.

Современные технологии требуют огромной массы работников узкого профиля, спрос на универсалов все еще сравнительно невелик. Пока технологии производства не разовьются настолько, что труд универсалов станет *гораздо производительнее* труда узких специалистов, “профи”, – до той поры коммунистические опыты в экономике и педагогической практике обречены на новые неудачи.

Ильенков отлично видел и трагически-остро переживал расхождение коммунистического идеала с реалиями социализма и с общей тенденцией развития мировой цивилизации. Ему, как и столетием раньше Марксу, казалось, что достаточные для практической реализации идеала экономические и “формально-юридические” условия уже налицо, все дело стопорит “косный материал”. Вот о чем горевал Ильенков¹⁴. Он был не из тех, кто спешит огорчаться и проклинать зеленую фигу за несоответствие спелому идеалу (Евангелие от Марка, 11:14). Видимо, считал дальнейшее углубление разделения труда с вытекающим отсюда отчуждением – противоестественным, некоей исторической патологией.

Грандиозный рост производительных сил, свершившийся в минувшие полвека *благодаря* глобальному разделению труда, свидетельствует, что Ильенков грустил напрасно, – если он и вправду считал, что “развитие производительной силы человека есть самоцель истории человечества”¹⁵. Современное буржуазное общество наглядно демонстрирует, что отношения частной собственности все еще вполне адекватны его производительным силам, дают им мощный стимул и простор для саморазвития. Даже кризисы не столько тормозят экономику, сколько подстегивают ее дальнейший рост, ускоряя реформы.

Без сомнения, успехи эти достигнуты благодаря эксплуатации человека человеком – как и вообще все великие достижения цивилизации. Не была исключением из правила и советская “сверхдержава” с ее стройками века, термоядерным оружием и полетами в космос. То была система *тотальной самоэксплуатации* человека посредством государственной “мегамашины”. В конкурентной гонке истории она истощила и надорвала свои производительные силы, поэтому распалась. К финалу “общечеловеческой эмансипации” быстрее движутся те, кто лучше умеет трудиться руками и головой, кто расходует боль-

¹³ Из названия книги Э.В. Ильенкова: “Учитесь мыслить смолоду” (М., 1997). Увы, этот крик души интеллектуала способны слышать лишь те, кто уже и без того мыслит, а стало быть, в агитации не нуждается.

¹⁴ «Впечатление все же такое – интегрально-интуитивное, что наступает полоса тухлого безвременья... И никак не удается взглянуть на все это дело “философски”, то бишь *sub specie aeternitatis*», – сетовал он в письме к Ю.А. Жданову накануне “эпохи застоя”, в 1968 году (Э.В. Ильенков: личность и творчество. М., 1999. С. 258).

¹⁵ Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. М., 1984. С. 217.

шую долю ресурсов для развития своей производительной силы, кто создает более действенные стимулы к труду. До тех пор пока разделение труда и частная собственность не исчерпали свою экономическую эффективность, человечеству придется терпеть их и врожденный им эффект отчуждения.

Термин этот звучит устрашающе, однако отчуждение не является безусловным злом. Человека отличает от прочих живых существ умение “отклеиться” от собственной жизнедеятельности и поставить ее форму перед собой, в качестве внешнего предмета деятельности, превратив ее в идеальное “представление”. Ильенков гениально описал диалектику превращения формы деятельности в предмет и снятия формы предмета человеческой деятельностью. Тот же самый акт, разворачивающийся в масштабах истории человечества – на протяжении нескольких тысячелетий, но всего один раз, – в работах Маркса зовется “отчуждением”.

“Индивиды не могут подчинить себе свои собственные общественные связи, пока они эти связи не создали”, – и не могут эти связи создать, иначе как имея их перед собой в качестве чуждых, сверхличных сущностей. Чтобы “выработать всю полноту своих отношений”, человеку приходится “противопоставить их себе в качестве независимых от него сил и отношений”. Так, меновые стоимости, товары “вместе со всеобщим отчуждением [Entfremdung] индивида от себя и от других впервые создают также всеобщность и всесторонность его отношений и способностей”¹⁶.

Тем самым отчужденный труд создает условия снятия разделения труда. Историческое предназначение разделения труда состоит в том, чтобы как можно тщательнее отделить компоненты творческой деятельности от механических операций, и эти последние передать автоматически действующим машинам и силам природы. В этом плане *разделение* труда есть абсолютно необходимое условие *освобождения* труда. Очистить человеческий труд от угнетающей личностной рутины – из-за которой труд воспринимался как божья кара, Адамово проклятие, – нельзя, не разделив его вначале *практически* на абстрактный и конкретный, частный и всеобщий труд.

Частная собственность уступит свое место общественной не раньше, чем завершится революция в сфере живого труда, благодаря которой на долю человека останется сугубо индивидуальная, творческая деятельность, а монотонные и стереотипные операции превратятся в дело техники. До тех пор пока в силу несовершенства технологий труда *люди* вынуждены заниматься тем, что в принципе могут делать и *вещи*, – живой человеческий труд пребудет во власти “овеществленного труда”, капитала. И человеческая личность, увы, останется лишь служанкой созданных ею вещей.

К счастью, живой труд, в том числе и физический, становится все более *умным*, превращается в “экспериментальную науку”. Экономическая потребность в умном труде вынуждает работников уметь. Пусть люди учатся уму-разуму не так быстро, как мечталось Ильенкову, зато независимо от чьих-либо частных воль и неволь – “естественноисторически”.

По мере того как затраты абстрактной рабочей силы в процессе труда сводятся к бесконечно малой величине, пролетариат съживается, как бальзаковская шагрень. В той же мере убывает и энергия абстрактной потребности. Сейчас уже очевидно, что, вопреки убеждению Маркса, задача удовлетворения естественных, физических потребностей человека буржуазной экономике вполне по плечу. Частная собственность породила класс пролетариев, она его и убьет. Место пролетария в процессе труда займет работник-интеллектуал, который, помимо рабочей силы, имеет и “средства производства” в виде персонального компьютера и светлой головы на плечах. Такой работник являет собой персонализированный “всеобщий труд”. Разделение труда на физический и умственный снимается: материальный и идеальный моменты процесса труда слились в одной “персоне”.

В работах Ильенкова по логике проводится конкретное и теоретически строгое различение идеального и материального. Этого не хватает его логико-историческим исследованиям. Общественные идеалы толкуются им как субъекты истории, и оговорка, что в форме этих идеалов находят свое выражение материальные потребности людей, дело не спаса-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 105.

ет, ибо исследования этих потребностей *как таковых* у Ильенкова нет совсем. А потому нет ни малейшей возможности отличить адекватное, конкретное выражение той или иной потребности от абстрактного ее выражения – утопии. Оба эти выражения суть идеалы, но обладают совершенно разной мерой “идеальности”.

Какая конкретно *материальная сила* должна принудить пролетарское государство передать свою формально-общую (а на практике по-прежнему частную) собственность в “личную собственность каждого индивида”? У Ильенкова, равно как и у Маркса, на сей счет – ни слова. Это молчание поистине бергмановской мощи и глубины. Молчаливо кричащее, что такой материальной потребности попросту нет на свете. А без этой “субстанции” любой общественный идеал – всего лишь формальная абстракция, читай: утопия.

Вообще, с какой стати политико-правовая акция передачи общественного богатства в собственность государства провозглашается условием *sine qua non* процесса снятия разделения труда? Отношение между экономическим “базисом” и политической “надстройкой” тем самым переворачивается с ног на голову. Тут не один Ильенков, сам Маркс перестал быть марксистом.

Ильенков сердито и колко критиковал Адама Шаффа, увязавшего коммунистическое движение с “моральным воздействием” на политическую элиту. Но ведь восстание, захват власти, диктатура и прочие политико-правовые акции относятся к той же самой категории *идеального*, что и “моральное воздействие”. Политика, право, мораль – все это формы “общественного сознания”. Материалистическое понимание истории категорически воспрещает апеллировать к формам сознания для объяснения качественных сдвигов в общественном бытии. Развитие и смена экономических формаций столь же мало обусловлены политико-правовыми акциями, сколь и моральными увещаниями.

Настоящий “локомотив истории” – *труд*, материальный процесс производства физической жизни и всех общественных отношений, в том числе и духовных – моральных и политико-правовых. Верность этой аксиоме и отличает историка-материалиста от идеалистов любого толка, будь то “моралисты” или “политологи”.

Идея политической революции – родное детище коммунизма со времен еще Жана Мелье. А вот у идеала универсальной личности античная и ренессансная этиология. Коммунистическому движению он был “классово чужд”. Первородный, исторически чистокровный коммунизм Маркс справедливо расценил как плоть от плоти частной собственности. Он задумал “гуманизировать” коммунистическое движение, сориентировав на идеал “*богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека*”¹⁷. Предстояло доказать, что появление такого типа человеческой личности становится экономически необходимым вследствие того, что на смену *абстрактному* труду человека как “выдрессированной силы природы” приходит *всеобщий* труд, в котором человек сделался “управляющим всеми силами природы”¹⁸.

Остается лишь сожалеть, что Э.В. Ильенков обошел стороной это конкретно-экономическое обоснование идеала универсальной личности. Само понятие всеобщего труда в известных его работах, в том числе и посмертно изданных, не встречается. Меж тем оно могло бы пролить *материалистический* свет на обстоятельства земного пришествия прекрасного идеала.

¹⁷ Там же. Т. 42. С. 123.

¹⁸ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 110.